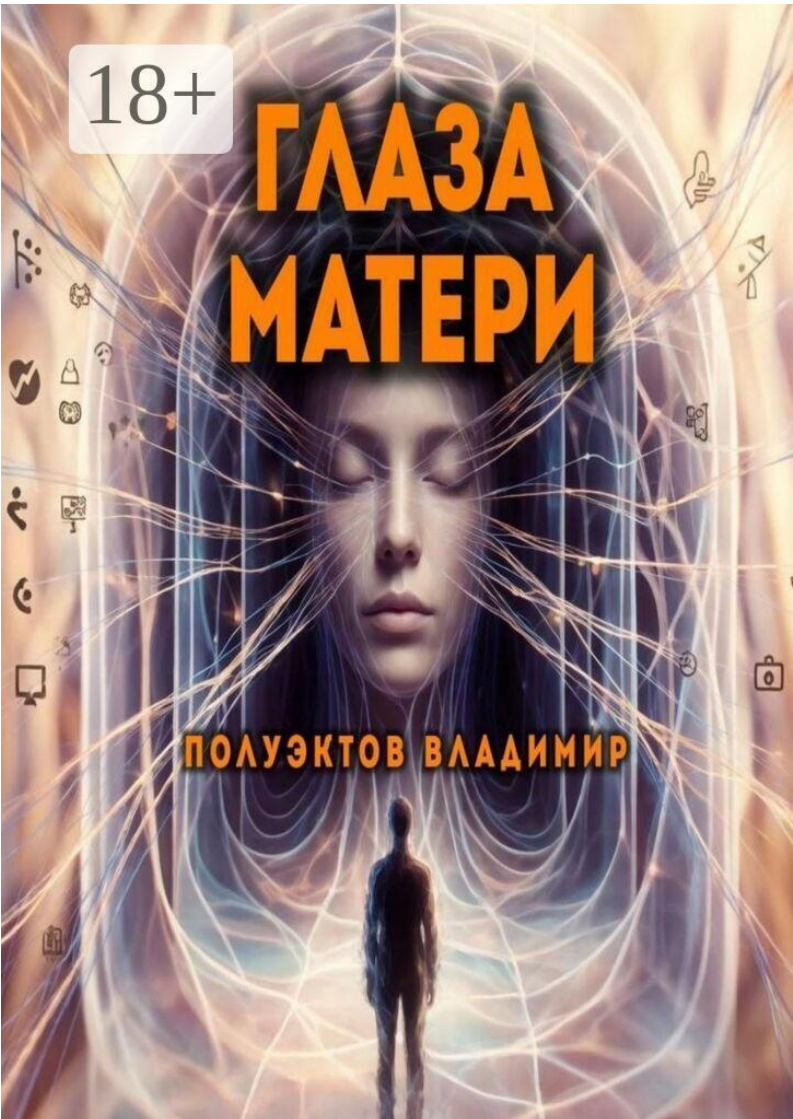


18+

ГЛАЗА МАТЕРИ

ПОЛУЭКТОВ ВЛАДИМИР



Владимир Полуэктов

Глаза матери

<https://litres.ru/74544238>

ISBN 9785007136150

Аннотация

Он повернулся и ушёл. Белые брюки. Цветастая рубашка. Револьвер и золото. Мальчик смотрел ему вслед. Он знал, что больше никогда не увидит его. И он не чувствовал грусти. Год назад он сидел на кухне, не в силах проглотить пельмени. Мать била его книгой по голове. Бабушка транслировала войну 1941 года через голосовые связки. Сегодня он живёт без страха. Что будет, если позволить страху убить себя — и не умереть?

Содержание

Глаза матери	5
Аннотация	6
Пролог	7
Дисклеймер	9
Благодарность	11
Пельмени и частота 1941	14
Вечный двигатель страха	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глаза матери

Владимир Полуэктов

© Владимир Полуэктов, 2026

ISBN 978-5-0071-3615-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глаза матери

Три уровня реальности: фасции, биополе и гравитация прошлого. «Глаза матери» — это не роман о спасении. Это история маленького мальчика — без надежды на его выживание. Он боялся самого состояния страха. И он сам написал это руководство по разрушению биопрограмм, вшитых в его тело до того, как он научился говорить. Только его знание.

Аннотация

Ты думаешь, что боишься начальника, бедности или смерти. Нет. Ты боишься того, что происходит в твоём теле, когда слышишь голос матери и смотришь в её глаза. Ты боишься стресса, самого страха и кортизола. Ты боишься самого этого состояния страха.

«Глаза матери» — это роман о том, как слово становится биохимией, биохимия — судьбой, а судьба — телом, в котором ты живёшь десятилетиями или до самой смерти. Это история мальчика, который однажды перестал быть адресатом команд, вшитых в его тело до того, как он научился говорить. И шамана из Конго, который научил его слышать тишину между словами.

Три уровня реальности. Фасции. Биополе. Гравитация прошлого. Три тюрьмы, которые ты называешь «собой».

Это не роман о случайном спасении маленького мальчика. Это роман о том, как тебе самому перестать быть такой же биопрограммой.

Пролог

Эта книга — не то, что читают перед сном, чтобы успокоиться. Это не история для пересказа друзьям. Это не учение, которому нужно поклоняться.

Это — напоминание. Единственное, что не может быть подделано. Его нельзя записать в устав, нельзя поставить на учёт, нельзя обложить налогом. Напоминание приходит изнутри — или не приходит вовсе, никогда.

Меня зовут Габриэль. Я пришёл с берегов Конго, где шаманы знают, что такое танец, который переписывает код тела. Где барабаны — это не музыка, а вибрация, сбивающая статическое электричество с фасций. Где танец — это не искусство, а ритуал, который физически отсекает голос матери от позвоночника.

Я носил золото в стране, где белое пальто могло стоять жизни. У моего подъезда всегда дежурило такси — шаман из Конго не ходит пешком по грязи, когда можно доехать и остаться в белых брюках. В моём кармане лежал револьвер, потому что истина требует защиты, а не оправдания. Я мог проломить череп с одного удара, но никогда не делал этого, если можно было просто посмотреть в глаза и сказать прав-

ду.

Эта книга — для тех, кто готов перестать узнавать себя в зеркале. Для тех, кто готов смотреть на свои реакции и говорить: «Это не я. Это биопрограмма. Я перестаю быть её адресатом».

Дисклеймер

Предупреждение.

Настоящий текст является художественным произведением в жанре биофантастики. Все персонажи, события, термины, ритуалы и концепции — плод авторского воображения и не имеют отношения к реальной жизни.

Термины «рече-образный суфлёр», «кортизоловая петля», «оператор телесного разума», «биовнедренец», «био-контейнер» и другие являются художественной терминологией.

Они не имеют научного, медицинского или психологического обоснования и не должны восприниматься как диагнозы, состояния или клинические феномены.

Автор не является врачом, психотерапевтом, психиатром, религиозным деятелем или практикующим специалистом. Текст не заменяет профессиональную медицинскую, психологическую или психиатрическую помощь.

Если вы испытываете депрессию, тревожность, суицидальные мысли, психологические или психиатрические расстройства — обратитесь к квалифицированным специали-

стам.

Книга содержит сцены психологического насилия, чёрный юмор, философские и оккультные отсылки. *Не предназначена для лиц младше 18 лет.*

Благодарность

Эту книгу я вспоминал. А вспоминать меня научил один человек — мой отчим, Габриэль.

Он пришёл в мою жизнь из Конго, через Париж, через балетную труппу, через вуду и танец, который переписывает код тела. Он был огромным, в белых брюках и белой рубашке — и всегда оставался в них белым, даже когда вокруг была грязь, война и советская зима. Он носил золото — цепи, перстни, браслеты, — и это было не бахвальство, это было заявление: «Я здесь, я существую, я не боюсь».

Габриэль научил меня тому, чему не учат в школах. Он научил меня смотреть. Не на слова — на саму вибрацию. Не на лица — на структуру. Не на страх — на программу, которая стоит за страхом. Он говорил: «Слушай тишину между словами. Там — правда. Всё остальное — шум, который тебе скормили родители, школа, государство, соседи. Ты можешь перестать есть этот шум. Ты можешь перестать быть его адресатом».

Он не был добрым в том смысле, в котором люди понимают доброту. Он не утешал, не жалел, не гладил по голове. Он смотрел на тебя — и ты чувствовал себя голым, потому что

он видел всё: твою программу, твой страх, твою ложь самому себе. И он говорил: «Ты можешь перестать быть этим. Ты не обязан быть тем, кем тебя сделали. Ты можешь выбрать. Но выбор — это не надежда. Выбор — это действие. Танцуй, пока есть силы. Или умри стоя».

Он ушёл красиво. В гробу из красного дерева — в белых перчатках, с бутылкой шампанского под рукой. В одной руке револьвер, в другой — пачка баксов. В зубах дымила гавайская сигара. Он прожил хорошую жизнь шамана — так, как хотел, так, как учил. Не боялся смерти, потому что знал — смерть это просто смена частоты. Он не умер. Он перестал быть здесь — и стал везде.

Я знаю, что он теперь в эфире разумности. Там, где нет времени, нет пространства, нет программ. Только чистая частота. И иногда, в тишине, я слышу его голос — низкий, спокойный, с французским акцентом, который сглаживал острые углы русских согласных. Он говорит: «Ты справишься. Ты всегда справлялся. Просто перестань быть тем, кем тебя сделали. Просто перестань быть адресатом. И танцуй».

Габриэль, если ты читаешь это там, где ты сейчас — спасибо. За правду. За защиту. За то, что научил меня слышать тишину и не бояться смотреть на себя в зеркало.

Ты был лучшим из всех, кого я знал. Шаманом, другом, учителем. Человеком, который показал мне, что такое свобода — не та, о которой пишут в учебниках, а настоящая. Та, которая начинается внутри и не требует разрешения.

Я не прощаюсь.

Ты — везде.

Благодарю.

Владимир

Пельмени и частота 1941

Настька сидела за столом, молча глядя в стену, где в дешёвой рамке висела икона Богоматери. Светлана стояла у плиты. Пар поднимался к потолку и оседал на закопчённой люстре, создавая маслянистую плёнку на всех поверхностях в кухне, которые давно уже перестали мыть.

Вовчик переступил порог. И воздух на кухне сразу стал плотнее. Не как перед грозой — как перед сбоем в биопрограмме, которая ещё не запустилась, но уже сжала всё пространство цифровой реальности до размеров пикселя.

— Светочка, чего ты мне свои рожи строишь? — начала Настька, не поворачивая головы.

— И так всей деревне давно ясно, что ты конченная дура. Иди вон лучше пельмени пожри, хотя бы пасть свою закроешь. Мать тебе говорит — иди на повара учиться, а ты в педагогический институт поступила.

Какой ты нахрен педагог?

Я вот тебя сама воспитывала и точно знаю — с тобой каши не сварить. Ты просто безмозглая скотина, вообще ничего

не соображаешь, тварь проклятая. Непонятно, как ты дальше жить без матери будешь. Я бы на твоём месте сразу повесилась или утопилась, пока детей ещё не нарожала. Хотя, всё равно все мужики от тебя разбегаются. Греха никакого не будет если сама сдохнешь, только миру будет легче.

Рука Светланы у кастрюли дёрнулась. Пельмени шлёпнулись в тарелку, разбрызгивая жирный бульон. Капли жира оседали на старой коричневой клеёнке, въедались в её поры, создавая очаги энтропии и бедности.

Голос Настьки набирал плотность, становился не речью, а вибрацией, заполняющей всё пространство.

— Ладно, — махнула рукой Настька, вставая из-за стола.

— Езжай в свой институт. И во Владимире хлеба купи и сосиски.

Тётка твоя, вон тётка Лидка, в Москву переехала только из-за сосисок, а всем лапшу на уши повесила, что поступила в медицинский институт по призванию, людей спасать.

Кого она нахрен спасти может?

Вон даже цыплят покормить не может, все уже передохли.

Хорошо хоть только директором клинической лаборатории крови института Курортологии стала и остановилась на своей кандидатской в Алжире.

В нормальном месте её бы сразу из медицинского сообщества вышвырнули взащей. Она даже с людьми разговаривать не может. Если надо какую-то дуру в ординатуре приструнить или заткнуть по научным убеждениям — а она молчит как ничтожество. Точь-точь как ты. Только и может перечить матери. Все вы кругом дуры.

Вовчик видел всё это не как словесную метафору. Он видел, как звуковые волны от рта Настьки проходили сквозь воздух, врезались в грудь Светланы, заставляли её плечи опускаться к земле. Каждое слово оставляло в её теле информационный след. Микроспазм диафрагмы. Невидимое, но реальное биоинформационное повреждение. Информационный узел. Биопрограмма. Команда, записываемая прямо в тело.

Вовчик стоял в дверях. Он слышал это каждый день. Слова были одни и те же — зацикленный код, который воспроизводился с точностью до интонации, до микроспазма голосовых связок. Но сегодня что-то было иначе.

Сегодня он слышал не слова.

Он слышал самую частоту.

Низкий гул, идущий от диафрагмы Настьки. Вибрацию, проходящую сквозь воздух, сквозь стены, сквозь его собственные кости. Она не была звуком. Она была командой. Ровно на той частоте, на которой записываются биопрограммы в фасции.

Голос в голове зазвучал холодно и безлично. Не его голос. Но он звучал так, будто всегда был там, просто раньше Вовчик не умел его слышать — был слишком занят иллюзоросиянием, принимал слова за реальность.

— *рече-образный суфлёр активен. Носитель: Настька. Версия: 1941. Программа воспроизводится в штатном режиме. Кортизоловый фон Светланы повышается на 8%.*

Раньше Вовчик не умел его слышать. Теперь умел. И это меняло всё.

Настька махнула рукой, вставая из-за стола.

— Ладно. Езжай в свой институт.

— *Программа внедрена. Носитель: Светлана Николаевна принимает команду. Уровень кортизола повышается на*

12%. *Запущен оператор принятия идентичности «дура».*

— Тупые скоты вы все говоря одним словом, — голос Настьки стал тише, но плотнее.

— Вам бы плуг в руки и кукурузу пахать в чистом поле, а вы возомнили себя учёными. Ну кто вас там учил? Такие же умственно больные бездельники. Только жрать да срать, толку от них никакого.

Светлана стояла у плиты, не оборачиваясь. Пальцы, сжимающие черпак, побелели. Она принимала программу. В её теле запускался тот же процесс, что и каждый день: сжатие, усталость, стресс, страх, старость, болезнь.

Программа не требовала осознания. Она требовала только повторения.

— Ладно, — Настька зевнула, и вибрация в комнате ослабла.

— Езжай за сосисками в свой педагогический институт.

Вечером надо к деду с бабкой съездить, пока живы ещё. Того гляди сдохнуть могут. После этого с ними и поговорить не о чем будет. Хотя и сейчас... только и могут ругать ме-

ня не пойми за что. Ну совала я палку в улей, просто хотела послушать, как пчёлы жужжат. Успокаивает меня их жужжание. Точно маленькие истребители. Прямо как во время войны под бомбёжками в сорок первом.

Настька замолчала. Её взгляд ушёл внутрь, туда, где гудели пчёлы и падали бомбы. Она больше не говорила. Она воспроизводила архив. Данные 1941 года, записанные в её фасциях, в диафрагму, в голосовые связки. Она не помнила войну. Она и была войной.

Светлана молча поставила тарелку перед Вовчиком.

— Жри, скотина.

В её голосе не было ни злобы, ни тепла. Только усталость.

— Почему так долго из школы шёл?

Опять смотрел на алкашей возле пивнушки?

Точно будешь такой же, как твой отец Колька. Дурак. Абсолютно негодный и бесполезный. Таким дуракам место только на кладбище или в дурдоме.

Она села напротив, положила перед собой «Родную речь»

и «Математику». Вовчик смотрел на пельмени. Они плавали в жирной сметане, разбухшие, серые, с кислым запахом уксуса. Они не лезли в горло. Горло было сжато программой «не привлекай внимания», работающей в его теле с рождения.

— Чего ты на меня вылупился?

— Что бельма свои выпучил?

— Светлана стукнула корешком книги по столу.

— Быстро жри свои пельмени и немедленно за уроки. Будем делать домашние задания, пока у меня есть несколько минут.

Вовчик взял ложку. Пельмень скользнул обратно в тарелку. Он не мог его проглотить. Запах жира и уксуса смешивался с запахом горелой проводки — она шла от Настьки, молча стоящей у иконы и глядящей в глаза Богоматери пустым взглядом. Она не молилась. Она транслировала нейрокод.

— Сегодня будет передача про квантовую механику, — тихо сказал Вовчик.

Голос его дрогнул. Он знал, что этого говорить не стоило.

Он вводил в программу чужеродный код.

— Какая механика? — Светлана подняла голову. Глаза сузились.

— Квантовая. После «В гостях у сказки». В «Науке и жизни». Там про метод биомеханической стимуляции мышц профессора Назарова.

— Ты что, скотина, совсем рехнулся?

— Светлана пододвинула к себе «Родную речь», открыла на пятой странице.

— Домашнее задание. Будем делать. Пока я не сказала — быстро, сволочь!

Вовчик чувствовал страх. Но страх был каким-то чужим. Кто-то включил запись старой реакции. Он знал, что должен бояться. Он знал, что сейчас начнётся домашнее задание, где его называют тупицей, дураком, скотом, где голова перестаёт соображать от напряжения и ударов книжкой по голове.

Но вместо страха внутри него была тишина.

Голос в голове зазвучал снова — холодный, ровный, без-

личный:

— Команда принята. Страх и стресс — это программа, сгенерированная из содержимого мышления. Программа не является тобой. Ты — наблюдатель. Наблюдай реакцию. Не присоединяйся. Не создавай идентичность.

— Я сейчас, — прошептал он.

Пельмень упал обратно. Ложка звякнула о тарелку. Сметана капнула на стол.

— Ты что, ослеп, скотина?

Светлана встала. В руке учебник. Корешок «Родной речи» смотрел на Вовчика, как дуло пистолета.

— Быстро жри свои пельмени!

— Но сегодня же будет передача про квантовую механику!

Голос вырвался из него — не дрожащий, не плачущий. Ровный и чёткий. Голос наблюдателя, который только что понял: он — не тело.

Светлана осеклась. Рука с книгой замерла в воздухе. В глазах — недоумение. Она не знала слова «квантовая». Оно было чужим. Оно не входило в её прошивку. Процессор завис.

— Что? — голос потерял плотность.

Тарелка с пельменями медленно заскользила по столу. Прямо по жирной сметане. С грохотом и брызгами на всю кухню она упала на грязный линолеум. Сметана разлетелась жёлтой жижей по стенам и полу. Уксус, жир, мясной бульон смешались с грязью. Тарелка разлетелась на три острых осколка. В воздухе повис кислый запах дешёвого свиного фарша и озона. Так пахнет воздух перед ударом молнии.

Настька вздрогнула, выходя из транса. Медленно повернула голову к разбитой тарелке, к сметане на полу, к Вовчику, сидящему с пустыми руками.

Светлана замерла. Её рече-образный суфлёр дал сбой. Слово «квантовая механика» зависло в воздухе, как баг в программе. Она не могла его обработать. Она могла только стоять с поднятой книгой и смотреть на сына, который не заплакал.

Вовчик даже не моргнул.

Внутри что-то щёлкнуло. Невидимый тумблер.

Он смотрел на мать и бабушку. Телесный разум переключился в режим глубокого сканирования. Он видел не людей. Два старых, перегретых сервера.

Светлана мигала красным индикатором паники — базовая тревога за выживание. Настька гудела синим пламенем фоновой депрессии — архив 1941 года. Их ненависть была просто избыточным теплом, требующим отвода.

— Ты что оглох, скотина? — прошипела Светлана, заноса руку для удара.

Вовчик перевёл взгляд на летящий корешок «Родной речи». Для обычного ребёнка время в такие моменты ускорялось от ужаса. Для Вовчика оно загустело.

Он позволил книге коснуться своей щеки. Удар пришёлся плашмя. Глухой. Тяжёлый. Боль вспыхнула — и тут же схлопнулась. Кожа приняла кинетическую энергию удара. Преобразовала через трение эпидермиса в микроразряд статического электричества. Отправила в блуждающий нерв. Тело не сопротивлялось. Оно перерабатывало код «телесный самодеструктор».

«Команда „уничтожение“ получена. Некроз отменён. Синтез белка запущен. Оператор MOTHER_HATE.exe не нашёл адресата в ядре личности. USER_NOT_FOUND.»

Он медленно повернул голову к столу. Посмотрел на ошарашенную Настьку. Потом на Светлану. Уголок рта едва заметно дёрнулся вверх. Это не была улыбка. Это была деформация лицевых мышц, имитирующая человеческую эмоцию для успокоения носителей старой прошивки.

— Архитектура вашего насилия требует слишком много ресурсов системы, — произнёс он ровным голосом, без тремора, без страха, без слёз. — Вы пытаетесь решить проблему перегрузки процессора физическим уничтожением терминала. Это неэффективно.

Он молча встал из-за грязного стола. Перешагнул через лужу сметаны. Обогнул замерших женщин, словно они были мебелью. Вышел из кухни. В коридоре пахло нафталином и старой пылью. Он даже не обернулся.

Настька смотрела на свои руки. На ладонях выступили белые пятна — кожа отказывалась проводить кровь. Биоконтейнер впервые за много лет почувствовал холод чужого оператора. Она попыталась вдохнуть, чтобы закричать, но лёгкие заполнил гул истребителей из сорок первого. Только те-

перь она поняла, что жужжание никогда не было успокаивающим. Это был звук форматирования жёсткого диска.

Светлана осталась стоять над разбитой тарелкой. От неё пошёл запах горелой проводки. Она не знала, что произошло. Она знала только одно: программа не нашла адресата.

Впервые за много лет.

Вечный двигатель страха

Вовчик вышел из кухни. За его спиной — тишина. Не та, что бывает, когда все замолкают. Другая. Та, что наступает, когда программа, работавшая десятилетиями, вдруг не находит адресата и зависает в пустоте.

Он остановился в коридоре. Прислонился спиной к стене, покрытой старой краской, которая отслаивалась слоями, как кожа. Тело дрожало. Не от страха — от перенапряжения. Он только что сделал то, чего не делал никогда: он не принял команду.

Он не знал, что это значит. Он знал только одно: внутри него что-то изменилось. Что-то щёлкнуло. Не тумблер. Не программа. Что-то более глубокое.

Он закрыл глаза и увидел это.

Кортизоловая петля.

Он не знал этого термина. Но когда он закрыл глаза, он увидел её — структуру, которая держала его тело в заложниках всю его жизнь. Она была похожа на кольцо. Невидимое, но реальное. Оно проходило через его грудь, через диа-

фрагму, через шейные позвонки. Оно пульсировало в такт его сердцебиению. Оно было тёплым и липким, как сметана на полу кухни.

Он видел, как оно работает.

Слово. Звук. Вибрация. Она входила в его уши, проходила через барабанную перепонку, превращалась в электрический импульс. Импульс бежал по нейронам, искал в архивах памяти похожий паттерн. Находил. Запускал реакцию.

Кортизол.

Гормон, который готовит тело к битве. Который перенаправляет кровь от пищеварения к мышцам. Который повышает давление, ускоряет сердце, сжимает сосуды. Который делает тело быстрее и сильнее — для того, чтобы бежать или сражаться.

Но битвы не было.

Не было тигра. Не было врага. Было только слово. Звук. Вибрация.

— *Ты ничтожество, мразь, скотина.*

Тело готовилось к битве. Но битва не наступала. И кортизол оставался в крови. Он не уходил. Он ждал. Он копил напряжение. Он сжимал мышцы, заставлял диафрагму подниматься, блокировал пищеварение, создавал спазмы, усталость, искривлял позвоночник.

Страх.

Вовчик увидел, как страх становится объектом. Как тело начинает бояться не слова — а самого состояния. Не угрозы снаружи — а того, что происходит внутри.

— Я боюсь. Я чувствую сжатие в груди. Это страшно. Я боюсь этого чувства.

И тело выделяло новый кортизол. Чтобы справиться со страхом перед страхом.

Петля замыкалась.

Вовчик видел это как инженерную биосхему. Как механизм. Как вечный двигатель, который работал на его собственной жизненной энергии. Каждый раз, когда он чувствовал страх, он боялся этого страха. Каждый раз, когда он боялся страха, он выделял новый кортизол. Каждый раз, когда он выделял кортизол, он чувствовал себя слабее, усталеe,

мертвее.

И так — до последней капли АТФ. До последнего удара сердца.

Он открыл глаза.

В коридоре было темно и пахло сыростью, собакой и пылью. За стеной, на кухне, две женщины молчали, не понимая, что произошло. Они ждали, когда программа восстановится. Когда адресат вернётся.

Но адресат не вернулся.

Вовчик сел на пол, прислонившись к стене. Он чувствовал своё тело. Оно было тяжёлым. Оно было уставшим. Оно было сжатым в позе страха, которую он носил с рождения.

Но теперь он знал, что это — не он.

Это — кортизоловая петля.

Он не знал, откуда приходит это знание. Оно приходило как голос — не снаружи, не изнутри. Просто как факт. Как инструкция, которую он всегда знал, но не помнил.

Кортизол — это не враг. Это инструмент. Он нужен для того, чтобы мобилизовать тело в реальной опасности. Но опасность, которую создаёт семейная линия, — не реальна. Это программа. Это звук. Это слово, которое получило статус приказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.